

Назаренко С.В.,
кандидат социологических наук,
доцент, доцент
Департамента социологии
Финансового университета при
Правительстве Российской
Федерации

**СОВРЕМЕННЫЙ
ТРЕНД
СОЦИАЛЬНОГО
КОНТРОЛЯ И
УПРАВЛЕНИЯ:
ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ**

Теоретико-методологические основы современного социального контракта негласно заключаемого между участниками социальных взаимодействий уходят своими традициями в социально-экономическую теорию общественного договора, объясняющую происхождение гражданского общества, государства и права. В результате соглашения члены общества (человечества), ограничивая свой суверенитет и делегируя свои права, легитимируют набор норм-правил, по которым «управляющие управляют управляемыми», государственные органы власти (правительство) с согласия граждан обеспечивают социальный порядок в обществе посредством утверждения и господства права.

Социологичность политико-философских размышлений Томаса Гоббса («Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского», 1651 г.) [4] об авторитарной монархии, Джона Локка («Второй трактат о гражданском правлении», 1690 г.) [8] о либеральной монархии, Жан-Жака Руссо («Об общественном договоре», 1762 г.) [12] о либеральном республиканизме являются истоком – эволюционирующей основой политической мысли о конституционной монархии, либеральной демократии и республиканизме, описывающей общую тенденцию перехода политического властвования от единоначалия к разделению властей, коллегиальности в принятии политических решений, от совещательных органов политической власти к властным институтам – парламентам, прави-

тельствам, политическим партиям и т.п. В тенденциях смены тоталитарных, авторитарных политических режимов демократическими [10. С. 84-88]:

- а) реализуются гуманные законы и гуманистические методы политической власти;
- б) расширяются возможности политического участия граждан в государственном управлении;
- в) учитываются государственными институтами правовые основы взаимодействия с гражданами, их политические свободы;
- г) становится открытой социальная жизнедеятельность людей в контексте их мобильности в обществе;
- д) упрочивается социально-правовой статус личности.

Так, заключаемый современный социальный контракт гарантирует личности свободу, безопасность и демократию, а институт государства – защиту жизни граждан, свободу и их частную собственность, социальную пользу от взаимодействий друг с другом [10. С. 84-88].

Социальное взаимодействие индивидов в обществе поддерживается, с одной стороны, социальным управлением – сознательным, целенаправленным воздействием на систему социальных взаимодействий (институт, организацию) с целью приведения направления и темпов их функционирования и развития в соответствие с действием социальных законов:

- макроуровня – закон неуклонного роста качества жизни, благосостояния; закон возвышения

потребностей; закон культурного отставания и др.;

- микроуровня – закон сохранения социального статуса (личностного положения, достоинства): индивид будет прикладывать максимум усилий, чтобы сохранить свою статусную позицию; закон компенсации отсутствия или недостатка одних способностей другими, в том числе навыками и опытом деятельности и др.

При этом, если субъект, объект и предмет определяют кибернетичность управления, то социальная деятельность, сознание, отношение – социологичность.

Наличие сознания детерминирует осознанную реакцию (управляемое действие) объекта на полученную акцию (управляющее воздействие) субъекта. Так, социальное управление – это своего рода деятельность, осуществляемая:

- а) индивидами;
- б) по отношению к индивидам;
- в) в интересах индивидов.

Социальное управление как способ организации взаимодействий индивидов основано на праве (собственности, власти, силы и т.п.), разделении труда, социальном опыте и делегировании полномочий. Оно предполагает целенаправленное влияние на условия жизнедеятельности индивидов, их ценностные ориентации, социальное поведение, а также обеспечение скоординированной целенаправленной совместной деятельности посредством консолидации разрозненных усилий всех участников взаимодействий.

Социологический фокус социального контракта (общественного договора) как соглашения одного индивида с другими индивидами об объединении в сообщество (группы, общности, общество) фиксирует, что он заключен не только с целью мирной и безопасной жизнедеятельности, но и с целью наилучшей защиты собственности (экономика) и свободы (политика). При этом общественный и (или) групповой интерес в достижении социальной упорядоченности все более реализуется не только рациональными, но и гуманными методами: управления – социально-экономическими, социально-политическими (в том числе организационно-административными) и социально-психологическими; а также стилем руководства – авторитарным, демократическим, либеральным.

Социальная эффективность управляющего воздействия становится все более значимой с позиций:

- 1) реальных результатов социально-профессиональной (трудовой) деятельности и межличностного общения;
- 2) сплоченности индивидов как членов социальной группы (коллектива), их солидарности как членов социальной общности, согласия индивидов как членов общества;
- 3) управляемости, то есть подконтрольности;
- 4) социальной (экономической, в том числе трудовой и профессиональной; политической и гражданской) активности индивидов как объектов управления.

Так, все более становится востребованной социальная технология упорядочивания относительно разрозненных усилий индивидов, направленных на реализацию не столько собственных личностных целей, сколько на осуществление функциональных целей общества и государства, их институтов и организаций (причем, чтобы граждане не почувствовали институционального принуждения со стороны организационных управляющих воздействий). Она включает в себя с одной стороны, совокупность практических мероприятий, которые осуществляет субъект управления для решения социальных проблем, возникающих у объекта в связи с удовлетворением потребностей, реализацией своих интересов и целей, а с другой – рациональный способ получения максимального социального эффекта при минимизации затрат ресурсов (средств), усилий (активности) и времени (темпов, ритмов, скорости).

Социологический аспект социального управления проявляется в:

- а) институционально закреплённой власти одного над другими или меньшинства над большинством;
- б) атрибутах социальной власти субъекта управления – единоначалии, иерархии, ограничении свободы поведения (деятельности) индивидов, являющимися объектами управления [11. С. 49-53].

В социальной практике все более смещается приоритет в альтернативных механизмах приобретения индивидом статуса субъекта управ-

ления, то есть перемещения на вышестоящую статусную позицию (должность). Авторитарно-демократический («сверху – вниз»), предполагающий назначение вышестоящим органом управления (должностным лицом) конкретного индивида на позицию (административную должность) руководителя, все более уступает либерально-демократическому («снизу – вверх»), предполагающему выбор исполнителями (подчиненными) своего руководителя. Такой подход позволяет лидеру (индивиду) во взаимодействии с другими индивидами быстрее и качественнее разрешать возникшие противоречия, актуальные проблемы, формулировать ценности, объединяющие других вокруг него, и таким образом реализовать социальный статус руководителя.

Исходя из того, что в управленческой технологии имманентно закреплена властная форма социальных отношений индивидов, различающихся как по должностному положению в системе организации совместного труда, так и по материальному положению в системе распределения труда, становится все более востребованной в контексте демократизации жизнедеятельности общества, реализация социальной справедливости.

Ее залог – открытость власти и общества, социальная активность (инициатива, творчество) граждан, максимизация исполнительности подчиненных при одновременной максимизации ответственности руководителей перед ними, минимальность ущемления интересов

объекта управления при принятии и реализации управленческого решения – управляющего воздействия субъекта управления.

С другой стороны, управляющее воздействие осуществляется социальным контролем – механизмом организации статусов и ролей личности с целью уменьшения напряженности и отклонений от ценностных и нормативных образцов (стандартов, эталонов, моды) в обществе; совокупностью средств реагирования, контролирующего воздействия, а также способов и методов их применения к разнообразным формам социального поведения (деятельности). Он начинается тогда, когда поведение одного индивида находится под влиянием другого или других индивидов. Если диада как неделимая малая социальная группа формирует истоки межличностного контроля, то триада – независимый от конкретного индивида, безличностный, деперсонифицированный контроль.

Агенту (осуществляющему контролирующее воздействие) и контр-агенту (выполняющему контролируемое действие) контроля имманентно присущи:

- а) властный характер, так как он предполагает наличие властно-распорядительных полномочий у агента, осуществляющего контроль, контролирующую деятельность;
- б) организационный характер, так как они имеют целью обеспечение нормального (нормативного) функционирования конкретной социальной системы или дей-

ствия, в том числе и поведения личности человека;

- в) волевой характер, так как их воздействия и действия проходят через сознание тех, кто контролирует, а также и тех, кого контролируют.

Социальный контроль все более в жизнедеятельности общества проявляет себя как механизм оценки и санкционирующего воздействия (не только наказания и осуждения за девиации, но и вознаграждения и одобрения за новации) социальными субъектами институтов и организаций на поведение (деятельность) индивидов в целях воспроизведения их реальных отношений в соответствии с ценностно-нормативными требованиями и ожиданиями общества [3. С. 56-59].

Агент (контролирующий) и контрагент (контролируемый) взаимодействуют по предмету контроля – профессиональной (предметной) и социальной (коммуникативной) деятельности и ее результатов. Социальные условия, нереализованные интересы и их несоответствие, социальные и иные потребности определяют как цель, так и задачи контроля. Агент и контрагент, применяя различные средства контроля, тем самым оказывают влияние на поведение друг друга.

Формы, методы и приемы (способы) их контрольной (контролирующей и контролируемой) деятельности непрерывно эволюционируют в гуманистическом направлении, о чем свидетельствует оформленная реакция среды (общества и государства) на отклоняющееся поведение,

несущее в себе угрозу установленному социальному порядку. Так, между свершившимися двумя трансформациями – от доиндустриального (традиционного) к индустриальному (современному), а также от индустриального (современного) к постиндустриальному (постсовременному) обществу, проблема девиантного (делинквентного) поведения и оформленной социальной реакции на него, то есть социального контроля, прошла следующие этапы общественного осмысления.

1. *Этап классической парадигмы* (XVIII в., рассвет эпохи Просвещения – начало XIX в.) – человек как рациональный субъект, обладающий волей и способностью самостоятельно выбирать и принимать решения, делает выбор в пользу девиантных (делинквентных) действий осознанно, а поэтому должен нести полную ответственность как девиант (делинквент) перед государством. Цель социального контроля: *во-первых*, в наказании индивида как девианта (делинквента) – предупредительный эффект наказания; *во-вторых*, в побуждении других граждан не допускать применения девиантных (делинквентных) методов и способов достижения выгоды или разрешения противоречия, проблемы, конфликта – профилактический эффект наказания. Социологический фокус общественного мнения, внимания направлен на сам акт девиации (делинквенции), но не на девианта (делинквента) и не на отношения преступника и его жертвы.

2. *Этап парадигмы раннего модернизма* (с середины XIX в. – до

середины XX в.) – индивидуализированное обращение (исправление) – акцент с девиантного (делинквентного) действия постепенно смещается на самого правонарушителя, преступника. Объяснялось, что индивид совершает девиантные (делинквентные) действия в результате воздействия на него ряда факторов и причин, природа которых различна – от медицинского диагноза, психического расстройства до социальной неустроенности, отсутствия должного уровня благополучия, качества жизни. Социологическое изучение причин подобного поведения, обеспечение правильного ухода и индивидуализированного обращения с правонарушителем (преступником) позволяет разработать не столько эффективные меры и мероприятия его наказания, сколько лечения, исправления, перевоспитания и возвращения в общество. То есть смещение происходит от общего сдерживающего эффекта социального контроля к его частным предупредительным функциям, конкретным правонарушителям. В связи с этим, фокус социологического изучения – нужды правонарушителя, что не совсем и не всегда удовлетворяет ожиданиям и потребностям общества в повышении безопасности.

3. *Этап неоклассической парадигмы или позднего модернизма* (с середины – до конца 80-х гг. XX в.) – компромисс между классическим подходом и подходом индивидуализированного обращения. Решающим в определении вины и меры наказания девианта (делинквента) по-прежнему выступает совершенное

им правонарушение (преступление). Однако при этом все более начинают учитываться его личностные и социальные особенности – возраст, здоровье, условия воспитания, образование, трудовая деятельность и др. Тренд парадигмы – отход от частного предупредительного эффекта наказания к усиленному акцентированному вниманию на его общее сдерживающее значение.

4. *Этап постнеоклассической парадигмы* (середины 90-х гг. XX столетия – н/вр.) – истоки восстановительного правосудия заложены в естественном праве и на страницах Библии, Корана, Вед. Восстановительные программы, в том числе и по примирению жертвы и правонарушителя, успешно функционируют в постиндустриальных обществах. Социологическое понимание фокусируется на правонарушении как конфликте – событии, разорвавшем социальные основы межличностного общения контактных групп, сообществ. Приоритетами становятся как восстановление баланса интересов участников, который утрачен ими в следствие конфликта, так и их примирение, преимущественно основанное на механизме неформального контроля. Если ранее социологически изучались три стороны – государство, преступник и общество, – то в рамках парадигмы восстановительного правосудия четыре: кроме первых трех, – жертва правонарушения, преступления. Это позволило реализовать ряд мер в рамках следующих направлений:

- 1) относительно правонарушителя – осознание им личных и соци-

- альных последствий, совершенных девиантных действий, социального вреда как для другого человека, так и общества;
- 2) относительно пострадавшей стороны – привлечение внимания к чувствам и потерям пострадавшего, оказание ему социальной поддержки и помощи;
 - 3) относительно контактной социальной среды – институционализация методов и способов неформального контроля – семейного, группового. Цель – восстановление коммунитарности, разорванных социальных отношений.

По мере общественного осмысления нормативного и отклоняющегося поведения расширялось объекто-предметное поле социального контроля: на первом этапе – это законность (дисциплина) и целесообразность поведения (деятельности) контрагента контроля как подконтрольного объекта; на втором – меры по предотвращению и устранению нарушений законности и дисциплины; на третьем – причины и условия, способствующие социальным отклонениям как негативной, так и позитивной направленности; на четвертом – принятие и реализация мер и мероприятий по привлечению к ответственности индивидов, совершивших нарушение законности и дисциплины [4. С. 28-29].

Современная система социального контроля – это искусственно созданная система ограничений. Она конституируется и непрерывно институционально эволюционирует [2. С. 146-148]. Ее цель – воспроиз-

водство стабильных практик социальных взаимодействий в обществе, соответствующих его статусно-ролевой структуре. Так, посредством институционализации заменяется спонтанное и экспериментальное социальное поведение индивидов на прогнозируемое, которое ожидается, моделируется, регулируется. Узаконивая востребованные, тем самым им подавляются нежелательные формы человеческого поведения [14. С. 45-57].

Резкие отклонения от модальных, типичных стандартов социального поведения, как в положительную, так и в отрицательную сторону, грозили и грозят стабильности общества, которая всегда ценилась и ценится превыше всего. Именно поэтому, в отличие от социального управления, социальный контроль имеет ограниченные границы. Он преимущественно связан с нарушениями или отклонениями от норм правил, отклоняющимся как девиантным (деструктивным), так и инновационным (конструктивным) поведением.

Итак, устойчивость и стабильность социального взаимодействия достигается и поддерживается «зеркальностью» социальных действий субъекта и объекта управления, а также агента и контрагента контроля. Классической (принципиальной, исходной) формулой является: субъект управления – это контрагент контроля, а агент контроля – это объект управления. В подлинном смысле слова, если управление – это воздействие «сверху – вниз», то контроль – это воздействие «снизу –

вверх» (т.е. управляемых на управляющих). Если идеальный вариант общества с тоталитарным режимом политической власти, в котором субъект социального управления взял на себя не только функции управления, но и функции агента социального контроля, тем самым превратив граждан (объекты управления) в абсолютно подконтрольных сознательных «социальных роботов», не имеющих своего мнения, личной позиции и слепо повинующихся всем без исключения управляющим воздействиям, то идеальный вариант общества с демократическим режимом политической власти – государственное управление органично сочетается с гражданским контролем. Только в этих условиях обеспечивается баланс интересов участников взаимодействий, занимающих определенный социальный статус и исполняющих соответствующую ему социальную роль [13. С. 136-138].

На современном этапе статус определяется следующими показателями:

- объективными – права и обязанности личности;
 - субъективными – отношение к деятельности и результаты деятельности личности.
- В качестве роли фиксируются:
- а) описание типа (запрещенного, должного (обязательного), желательного или возможного) модели поведения;
 - б) ожидания, предписания и требования;
 - в) социальная оценка выполнения/невыполнения норм;

г) санкции за приносящие пользу или вред последствия действий индивида.

При этом, если статус как структурная (статическая) единица определяет место личности в социальной структуре общества, то роль как функциональная (динамическая) единица приводит в действие статус личности. Так как в соответствии с уровнем взаимодействия индивид осваивает три уровня статусов (социальный статус – социальное положение относительно всех членов общества; межличностный статус – социальное положение в контактной группе (общности); индивидуальный статус – личное мнение о себе), то он усваивает и исполняет три уровня ролей (социальная роль – роль для всех членов общества; межличностная роль – роль для малой (контактной) социальной группы; индивидуальная роль – роль для себя).

Каждый обладает множеством статусов – статусным набором. В статусном портрете всегда имеется ведущий, главный. Он наиболее подчеркивает занимаемое положение индивида в обществе. По нему окружающие выделяют индивида из всей массы, то есть на основании его идентифицируется (отождествляется) личность. За каждым статусом находится особая номинальная группа либо статистическая категория людей. Он, как правило, определяется занимаемой должностью, спецификой прав и обязанностей, уровнем полномочий, привилегий, зарплаты и т.п. Индивиду, занимающему конкретный социальный статус, надлежит, как правило, испол-

нять несколько ролей (ролевой набор), так как статус обслуживает не менее одной роли. Более того, статус – это не какая-то строго фиксируемая позиция, обязывающая к определенному образцу поведения раз и навсегда. Она изменяется, но более стабильна, чем роль. В сущности, статус – это та же роль, но если статусное поведение определяется более широким, то ролевое – ограниченным кругом участников. Если статус в целом определяет поведение индивида, то роль – в частности, в конкретных его деталях, более того, временно, периодически или эпизодически, даже случайно.

Исходя из этого следует, что индивид занимающий статус:

- а) в системе социального управления:
 - субъекта управления – имманентно исполняет роль субъекта управления, но может исполнять и роль объекта управления, а также имманентно исполняет роль контрагента контроля, но может исполнять и роль агента контроля;
 - объекта управления – имманентно исполняет роль объекта управления, но может исполнять и роль субъекта управления, а также имманентно исполняет роль агента контроля, но может исполнять и роль контрагента контроля;
- б) в системе социального контроля:
 - агента контроля – имманентно исполняет роль агента контроля, но может исполнять и роль контрагента контроля, а также имманентно исполняет объекта

управления контроля, но может исполнять и роль субъекта управления;

- контрагента контроля – имманентно исполняет роль контрагента контроля, но может исполнять и роль агента контроля, а также имманентно исполняет роль субъекта управления, но может исполнять и роль объекта управления.

В контексте теории «логического квадрата», уходящей своими традициями к средневековым логикам, которые его разработали и использовали при графическом представлении своих категорических суждений и отношений между ними, социологический анализ наличия и реализации прав, а также возложения и исполнения обязанностей индивидом, занимающим определенный статус, фокусируется на четырех социальных технологиях – стратегиях и тактиках, способах и методах, приемах осуществления деятельности личности по достижению ею социально значимых целей (табл. 1).

В процессе осознанной совместной деятельности субъект и объект социального управления, а также агент и контрагент социального контроля вступают в социальную связь, характеристика которой – отношение одного к другому. Это – отношения руководства и подчинения, субординации и координации, указания и исполнения, но, тем не менее, следует отметить, что, прежде всего, это отношения либо уважения, либо унижения. Если первые носят побуждающий характер, то вторые – принуждающий.

Таблица 1

Основные типы социальных технологий

Права	Обязанности	
	Ограничиваются	Расширяются
Расширяются	3. РпОо	4. РпРо
Ограничиваются	1. ОпОо	2. ОпРо

Условные обозначения:

О; Р – ограничение и/или расширение
п; о – права и обязанности.

Основной целью социального управления является упорядочивание и приведение к единству разрозненных устремлений и действий индивидов как членов группы, общности, общества, а это значит, что в системе координат социального управления управляющее воздействие, *во-первых*, носит характер сознательного целенаправленного воздействия субъекта; *во-вторых*, вызывает у объекта сознательное стихийное действие – стихийное потому, что субъект может только предполагать и прогнозировать реакцию объекта, которая детерминирована факторами:

- а) социальной ситуации;
- б) социального поведения (социальной активности и опыта) индивида, степенью его предрасположенности и подготовленности;
- в) социального контроля.

Реакция объекта управления – это акция агента контроля, которая ориентирована на контрагента, то есть субъекта управления. При этом в новой системе координат – системе координат социального контроля – она приобретает черты сознательной целенаправленности контролирующего воздействия агента на

контрагента, при этом предоставляя ему возможность сознательной стихийности воздействия на себя (агента). Так начинаются новые взаимные действия, которые имеют постоянно повторяющийся, циклический характер, что напоминает игру теннисистов на корте, где один игрок – подающий мяч, а второй – принимающий его, но в то же время, удачно отбив подачу, он уже становится подающим, а подающий – отбивающим.

Когда индивид, занимая определенный социальный статус исполняет имманентно присущие ему социальные роли, то это подчеркивает совместимость взаимодействий участников, но если индивид – исполняет иные и даже не свойственные статусу роли, то это инициирует противоречие, вызывает проблемы при исполнении обязанностей и реализации прав другого участника взаимодействия. Именно поэтому, роль является, как правило, функцией, а в исключительном случае – дисфункцией статуса (аргумента – нормативно одобренного образца поведения), которые реализуются на уровне общественного мнения (сознания) в ожиданиях (ожиданиях) и требованиях, нормах и санкциях.

Этот феномен описывается формулой:

$$y = kx + n,$$

где:

y – функция статуса (аргумента), то есть роль;

x – аргумент, а именно статус;

k – межличностные особенности взаимодействий индивидов, иными словами причины, которые ими могут быть устранены, ослаблены (если $k > 1$ – наблюдается совместимость, интегративность, прогрессивный синергетический эффект; если $k < 1$ – противоречивость, дезинтегративность, регрессивный синергетический эффект);

n – факторы среды, которые изменить нельзя, поэтому необходимо их учитывать, к ним приспособляться.

Вступая в социальные взаимодействия, участники находятся в одном из двух возможных состояний:

- 1) в состоянии консенсуса, то есть согласия – состояния, достигнутого между индивидом и обществом (группой, общностью), между большинством и меньшинством относительно наиболее важных аспектов социального порядка, что не предполагает единогласия. Оно наблюдается на локальном или социетальном уровнях. В зависимости от направленности действий бывает позитивным (конструктивным) или негативным (деструктивным). Проявляется на уровнях:

 - ценностном – общности ценностных представлений и целей;

- процедурном – норм-правил «социальной игры» и собственно процедуры ее осуществления;
 - отношенческом – конкретных субъектов и их отношений, политики к другим индивидам;
- 2) в состоянии конфликта, инициируемого противоречием как общественных и групповых, так и групповых и личных интересов, а также непосредственно борьбой:
 - а) за ценности – в сфере культуры;
 - б) за претензии на конкретный социальный статус, положение, престиж – в сфере социума;
 - в) за власть – в сфере политики;
 - г) за ресурсы – в сфере экономики [7. С. 12-15].

Истоками консенсуса, достижения согласия является доверие участников друг к другу. Социальная феноменальность доверия – врожденной, природной способности человека верить одному или другому, в одно или другое (неверие – это тоже вера, но ни в кого или ни во что) – обеспечивает стабильность взаимодействий.

Так, индивид при конструировании социальной реальности изначально закладывает одну из двух возможных гипотез:

- 1) по отношению к нему другие индивиды поступают уважительно, а значит, им можно доверять;
- 2) по отношению к нему другие (отдельные) индивиды поступают неуважительно (то есть унизи-тельно), а значит, его доверие необходимо заслужить.

В данном случае при анализе отношений, находящихся в континууме «уважение – унижение», речь идет о правах – ожиданиях индивида, обращенных к другим людям и побуждающих их что-то делать ради него, а также об обязанностях – действиях индивида, которые он вынужден совершать, исходя из тех социальных ролей, которые он выполняет (окружающие всегда ожидают и востребуют от человека, чтобы он поступал предсказуемо).

Если нарушается устоявшийся баланс прав и обязанностей, а «центр тяжести», приоритеты смещаются в сторону, то наблюдаются следующие социальные технологии:

- 1) ограничения прав и ограничения обязанностей – уровень неуважения;
- 2) ограничения прав и расширения обязанностей – низкий уровень уважения;
- 3) расширения прав и ограничения обязанностей – средний уровень уважения;
- 4) расширения прав и расширения обязанностей – высокий уровень уважения.

Так, в социальном взаимодействии участвуют 16 типов участников, различающихся по статусно-ролевым характеристикам (табл. 2).

Таблица 2

Статусно-ролевая характеристика типов участников, занимающих социальный статус субъекта и объекта управления (Subject и Object management), агента и контрагента контроля (Agent and Kontragent control) и исполняющих социальную роль субъекта и объекта, агента и контрагента

Статус		Контрагент		Агент	
		Роль	Контрагент	Агент	Контрагент
Субъект	Субъект	11	12	15	16
	Объект	9	10	13	14
Объект	Субъект	3	4	7	8
	Объект	1	2	5	6

Социальное взаимодействие двух участников, каждый из которых может соответствовать одному из шестнадцати типов, представляет собой дискурсивное поле (синтез интеллектуального и социального полей, при котором социальное взаимодействие переходит в конкретный тип социальной практики), состоящее из исчерпывающего коли-

чества – 256 технологически возможных вариантов социальных взаимодействий участников (рис. 1).

В идеальной модели, если взаимодействуют участники с идентичными статусно-ролевыми характеристиками, то их воздействия друг на друга могут взаимно либо ограничивать их права и обязанности, либо расширять. От гоббсовской

«войны всех против всех» (тип 1-1) к взаимному уважению в условиях подлинной демократии (тип 16-16), когда каждый поступает в соответствии со своими личными интересами (по Ж.Ж. Руссо) и в соответствии

с императивным правилом – «золотым правилом» социального поведения (по Э. Эриксону): «Поступай по отношению к другому так, чтобы это могло принести новые силы другому и тебе» [15. С. 78-79].

Участник № 2		Участник № 1															
SsAa	16	PnOo	PnPo	PnOo	PnPo	PnOo	PnPo	PnOo	PnPo	PnOo	PnPo	PnOo	PnPo	PnOo	PnPo	PnOo	PnPo
SsAk	15	OnOo	OnPo	OnOo	OnPo	OnOo	OnPo	OnOo	OnPo	OnOo	OnPo	OnOo	OnPo	OnOo	OnPo	OnOo	OnPo
SoAa	14	PnOo	PnPo	PnOo	PnPo	PnOo	PnPo	PnOo	PnPo	PnOo	PnPo	PnOo	PnPo	PnOo	PnPo	PnOo	PnPo
SoAk	13	OnOo	OnPo	OnOo	OnPo	OnOo	OnPo	OnOo	OnPo	OnOo	OnPo	OnOo	OnPo	OnOo	OnPo	OnOo	OnPo
SsKa	12	PnOo	PnPo	PnOo	PnPo	PnOo	PnPo	PnOo	PnPo	PnOo	PnPo	PnOo	PnPo	PnOo	PnPo	PnOo	PnPo
SsKk	11	OnOo	OnPo	OnOo	OnPo	OnOo	OnPo	OnOo	OnPo	OnOo	OnPo	OnOo	OnPo	OnOo	OnPo	OnOo	OnPo
SoKa	10	PnOo	PnPo	PnOo	PnPo	PnOo	PnPo	PnOo	PnPo	PnOo	PnPo	PnOo	PnPo	PnOo	PnPo	PnOo	PnPo
SoKk	9	OnOo	OnPo	OnOo	OnPo	OnOo	OnPo	OnOo	OnPo	OnOo	OnPo	OnOo	OnPo	OnOo	OnPo	OnOo	OnPo
OsAa	8	PnOo	PnPo	PnOo	PnPo	PnOo	PnPo	PnOo	PnPo	PnOo	PnPo	PnOo	PnPo	PnOo	PnPo	PnOo	PnPo
OsAk	7	OnOo	OnPo	OnOo	OnPo	OnOo	OnPo	OnOo	OnPo	OnOo	OnPo	OnOo	OnPo	OnOo	OnPo	OnOo	OnPo
OoAa	6	PnOo	PnPo	PnOo	PnPo	PnOo	PnPo	PnOo	PnPo	PnOo	PnPo	PnOo	PnPo	PnOo	PnPo	PnOo	PnPo
OoAk	5	OnOo	OnPo	OnOo	OnPo	OnOo	OnPo	OnOo	OnPo	OnOo	OnPo	OnOo	OnPo	OnOo	OnPo	OnOo	OnPo
OsKa	4	PnOo	PnPo	PnOo	PnPo	PnOo	PnPo	PnOo	PnPo	PnOo	PnPo	PnOo	PnPo	PnOo	PnPo	PnOo	PnPo
OsKk	3	OnOo	OnPo	OnOo	OnPo	OnOo	OnPo	OnOo	OnPo	OnOo	OnPo	OnOo	OnPo	OnOo	OnPo	OnOo	OnPo
OoKa	2	PnOo	PnPo	PnOo	PnPo	PnOo	PnPo	PnOo	PnPo	PnOo	PnPo	PnOo	PnPo	PnOo	PnPo	PnOo	PnPo
OoKk	1	OnOo	OnPo	OnOo	OnPo	OnOo	OnPo	OnOo	OnPo	OnOo	OnPo	OnOo	OnPo	OnOo	OnPo	OnOo	OnPo
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
		OoKk	OoKa	OsKk	OsKa	OoAk	OoAa	OsAk	OsAa	SoKk	SoKa	SsKk	SsKa	SoAk	SoAa	SsAk	SsAa

Условные обозначения:

S; O – статус субъекта или объекта управления;
s; o – роль субъекта или объекта управления;
A; K – статус агента или контрагента контроля;
a; k – роль агента или контрагента контроля;
O; P – ограничение и/или расширение;
п; о – права и обязанности.

Рис. 1. Дискурсивное поле альтернатив воздействия Участника № 1 на Участника № 2, занимающих социальный статус и исполняющих социальную роль

При этом следует признать, что участники априори обладают отличительными особенностями. Если участник № 1 является приверженцем или носителем культуры общества с X-матрицей (восточной цивилизации) и преимущественно ориентирован на людей, на воспроизводство гуманизма, гуманных межлич-

ностных и институциональных отношений, то есть коммуникативную деятельность, то участник № 2, рассматривается как приверженец или носитель культуры общества с Y-матрицей (западной цивилизации) и преимущественно ориентирован на дело, воспроизводство рационализма, рациональных трудовых, про-

фессиональных отношений, то есть на предметную деятельность [6. С. 78–80, 117, 129, 165]. К примеру, если 16-й тип Участника № 1 воздействуя на 15-й тип участника № 2, ограничивает его права и расширяет его обязанности, то 16-й тип Участника № 2 воздействуя на 15-й тип участника № 1, расширяет его права и его ограничивает обязанности. Социологически это объясняется тем, что:

- 1) *коммуникативная деятельность* жестко фиксирует социальные позиции субъекта и объекта управления, агента и контрагента контроля в континууме «индивидуализм – коллективизм». Если на поле социальных взаимодействий кто-то проявляет черты индивидуализма, то другой «вынужден» проявлять черты коллективизма, и наоборот, если кто-то проявляет черты коллективизма, то другой обязательно, рано или поздно, продемонстрирует черты индивидуализма. Данный феномен – издержки несправедливого социального обмена. Так, в практике взаимодействий субъекта и объекта, агента и контрагента наблюдается парадокс рациональной социальности – чем лучше (хуже) субъекту, тем хуже (лучше) объекту или чем лучше (хуже) агенту, тем хуже (лучше) контрагенту;
- 2) *предметная деятельность* фиксирует профессиональные позиции субъекта и объекта, агента и контрагента в континууме «дилетантизм – профессио-

нализм», но предоставляет возможность им взаимодействовать в одном из четырех форматов:

- субъект (контрагент) и объект (агент) – оба профессионалы;
- субъект (контрагент) профессионал – объект (агент) дилетант;
- субъект (контрагент) дилетант – объект (агент) профессионал;
- субъект (контрагент) и объект (агент) – оба дилетанты.

Итак, социальный контроль далеко не механизм обратной связи или обратная реакция от объекта управления к субъекту. Скорее всего, это двусторонний процесс, где:

- а) со стороны субъекта управления контроль осуществляется в форме требования, проверки, ревизии, инспекции, заслушивания и т.п.;
- б) со стороны объекта управления контроль реализуется – в форме просьбы, заявления, жалобы, обращения, запроса, отчета, голосования и т.п.

Это указывает, что они несут в себе далеко не тождественную силу. Если для контролирования со стороны субъектов управления преимущественно характерна принудительная сила, то есть сила права (государственной власти, принуждения), то в основе контролирования со стороны объектов управления (подлинных агентов контроля) лежит побудительная сила, то есть сила морали (общественного мнения).

Реакция общества как макросреды и контактной группы как микросреды на девиантное деяние индивида различна. Она обусловлена

степенью общности нарушаемых норм [9. С. 36-38].

Так:

- а) чем выше степень общности ценностей и норм-правил, тем решительнее действия государства и общества по отношению к их нарушителю;
- б) чем ниже степень общности ценностей и норм-правил, тем больше усиливается неформальный социальный контроль;
- в) чем сложнее институциональная и стратификационная структура общества, тем разнообразнее институциональные и стратификационные формы контроля;
- г) чем менее социально значимы нормы-правила, которые нарушаются индивидом, тем терпимее может быть реакция среды на его девиантные действия;
- д) чем демократичнее общество, тем приоритетней является не внешний, а внутренний контроль, в том числе личностный самоконтроль индивида.

Предлагаемый комплексный подход, основанный на теориях социального управления и контроля, раскрывает возможности для более научного, профессионального корректного социологического описания (объяснения и понимания) контроля как одного из видов управления.

В состав социального управления входит не контроль, а контролирование – специфический вид деятельности наряду с планированием, прогнозированием, проектированием, регулированием, моделированием.

Контролировать – это значит:

- 1) властвовать (подчинять, руководить) над индивидуальными или коллективными социальными субъектами – контрагентами, то есть над другими людьми;
- 2) владеть собственностью в форме различного рода материальных или духовных благ, потенциально и реально предоставляемых контрагенту;
- 3) санкционировать, то есть вознаграждать или наказывать, одобрять или осуждать нежелательное (нонконформистское) и желательное (конформистское) поведение, деятельность контрагента контроля;
- 4) конфликтовать (конкурировать) из-за противоречий, объективно возникающих при реализации разнонаправленных интересов, удовлетворения потребностей, достижения индивидуальных и групповых целей, решения актуализировавшихся социальной ситуацией задач при взаимодействиях между агентом и контрагентом контроля;
- 5) влиять (подавлять) через принуждение и частично через побуждение на осознанное исполнение контрагентом контроля социальных норм-правил (ценностей, норм-запретов, норм-обязанностей и норм-прав, льгот, привилегий);
- 6) оценивать реальное (не исключено, что и потенциальное) социальное поведение контрагента, его деятельность с позиций ценностей и норм, доминирующих в социальной группе, общности, обществе, – с одной сто-

- роны, а с другой – ценностных ориентаций личности агента контроля;
- 7) обосновывать осознаваемую потребность (необходимость) исполнения контрагентом актуализировавшихся норм-правил, образца (эталона, модели) поведения, деятельности с позиций социальной пользы (добра) и вреда (зла);
 - 8) охранять конституционные права контрагентов, то есть индивидов, как личности человека и как личности гражданина государства, в том числе и как личности государственного служащего.

Контролирование как специфический вид социально-профессиональной деятельности агента контроля включает ряд подвидов, аспектов контролирующей и контрольной деятельности, образующих единый комплекс системы обеспечения институционального функционирования субъекта и объекта управления, агента и контрагента контроля.

Результаты его всестороннего социологического анализа позволяют выработать практические рекомендации участникам взаимодействия, которые более эффективно разрешали бы ключевое противоречие – противоречие интересов агента и контрагента контроля.

Люди преимущественно не желают, чтобы их контролировали. Они всячески пытаются избежать контроля. Однако, если им это не удастся, то они выстраивают свои взаимодействия, как правило, в соответствии со своим статусом. К примеру, бедные нередко презирают

богатых, а богатые зачастую с пренебрежением относятся к бедным. Власть предержащие пытаются контролировать подданных, а рядовые граждане выйти из поля их контроля и т.п.

Непрерывное взаимодействие этих и иных противоположностей образует источник качественно-количественного усовершенствования системы норм и санкций – социального контроля отклоняющегося поведения индивидов в группе, общности, обществе. Это развитие усиливает функциональность базовой социологической закономерности социального контроля – организации социальных взаимодействий, то есть социальная организация поддерживает (сопровождает и обеспечивает) и совершенствует систему упорядоченности и организованности посредством безапелляционного подчинения жизнедеятельности каждого члена конкретным нормам-правилам и их требованиям. При этом субъект управляя сознательным контролирующим (стихийным) воздействием объекта (как агента контроля) тем самым защищает систему взаимодействий – группу, общность, общество:

- а) от саморазрушения (явная функция);
- б) от саморазвития (латентная дисфункция).

Агенты социального контроля как консерваторы общества предлагают не спешить, требуют уважать традиции и закон, выступают против нового, которое как следует не проверено, являются гарантом стабильности в обществе. Они коорди-

нируют поведение других. Их отсутствие или дисфункциональность втягивают индивида и общество в «спираль девиантности», при которой роль относительно незначительных видов девиантности может усиливаться, и тем самым затрудняется выход индивида и общества из нее. Это ведет к аномии – дезорганизации, разложению, беспорядку, распрям, раздору, разрушению.

В современных условиях возрастающая активная контролирующая деятельность агентов гражданского контроля позволяет корректировать достижение цели субъектом управления, устранять или уменьшать неопределенность и непредсказуемость его деятельности, фиксировать и исправлять его ошибки до того, как они превысят критическую массу, а их негативные последствия приведут к кризисной ситуации, кризису, фиксировать не только ошибки, но и успехи, что указывает на приоритетные направления социально-экономического и социально-политического развития российского общества [5. С. 154-158].

В связи с трендом смены управленческой парадигмы, переходом от социоцентричной к персоноцентричной модели политического (государственного) управления, доминирования социальных ценностей группы, общности и общества в ущерб интересам личности к личностно апробируемым ценностям, к реализации потребностей, субъективных

прав и законных интересов личности все более востребованы агенты контроля, обеспечивающие выполнение другими социальных законов, соблюдение которых неотделимо от:

- а) сознания человека;
- б) способностей самооценки;
- в) уважения других людей.

Эффективное функционирование гражданского контроля, основанного на системе гражданского права, позволит конституировать качественно новый тип социальных взаимодействий, основанных на принципе «право – для личности, а правовое регулирование – во имя личности». В сущности, это стратегический приоритет, который позволяет социальный контроль в обществе трансформировать из состояния «организационного запаздывания» в «опережающее развитие», сменить ретроспективную его направленность – перспективной. Его реализация осуществима при условии усиления диалектической взаимосвязи двух механизмов общества – социализации и социального контроля, которая проявляется в том, что они, формируя, исправляют и, исправляя, формируют личность человека как члена общества. Причем индивид формируется личностью преимущественно (как правило) посредством социализации, а исправляется – социальным контролем. В исключительных случаях – наоборот.

Литература

1. Гоббс Т. Левиафан или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. – Москва: Соцэкгиз, 1936. – 503 с.
2. Грошева И.А. Социальный контроль в архитектонике институционального пространства. – Тюмень: ТГАМЭУП, 2011. – 243 с.
3. Исмаилов А.И. Девиация и социальный контроль: монография / А.И. Исмаилов, Р.А. Желтов. – Москва: Углич, 2014. – 259 с.
4. Капранов А.В., Истратов А.А. Социальный контроль как гарантия законности в уголовном судопроизводстве // Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2015. – № 4. – С. 26-31.
5. Карабулатова И.С., Письменная Е.Е., Рязанцев С.В., Томайлы А.Е. Алкогольные девиации российского общества и социально-экономический кризис второго десятилетия XXI века // Социально-экономические и гуманитарно-философские проблемы современной науки. – Уфа: Уфимский государственный университет экономики и сервиса, 2015. – С. 154-158.
6. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. – Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001. – С. 213 с.
7. Лапшов В.А. Социальные риски российского общества в начале XXI века // Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2016. – № 1. – С. 11-26.
8. Локк Дж. Второй трактат о правлении. Опыт об истинном происхождении, области действия и цели гражданского правления // Два трактата о правлении / Пер. с англ. Е.С. Лагутина и Ю.В. Семенова. – Челябинск: Социум, 2014. – 480 с.
9. Лукьянец А.С., Маньшин Р.В. Девиантное поведение в российском обществе: формы и масштабы // Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2015. – № 3. – С. 34-43.
10. Новиков А.В., Оборский А.Ю. Некоторые методологические подходы к оценке справедливого возмещения «стоимости жизни» в связи с гибелью человека в чрезвычайных ситуациях // Право и образование. – 2015. – № 12. – С. 84-88.
11. Поверинов И.Е. Социальный контроль: философские, социологические и правовые аспекты: Монография / И.Е. Поверинов, Д.В. Писачкин. – Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2011. – 88 с.
12. Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре / Пер. с франц. С.Н. Южакова. – Москва: Игмосс Эдишинз, 2012. – 383 с.
13. Селиванова Е.С. Институционализация общественного контроля в сфере публичной политики в постсоветской России: Монография. – Воронеж: Науч. кн., 2016. – 206 с.
14. Сидоров С.А. Механизм правового регулирования в системе социального контроля: монография / С.А. Сидоров, И.Л. Честнов. – Санкт-Петербург: Алеф-Пресс, 2014. – 223 с.
15. Эриксон Э.Г. Философские сюжеты Эрика Эриксона: переводы работ американского психоаналитика / Сост. Э.М. Спирова. – Москва: Канон+, 2017. – 415 с.

Bibliography

1. Gobbs T. *Leviafan ili materiya, forma i vlast' gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo*. Moscow: Sotsekgiz, 1936. 503 p. (in Russ.)

2. Grosheva I.A. *Sotsial'nyi kontrol' v arkhitektonike institutsional'nogo prostranstva*. Tyumen': TGAMEUP, 2011. 243 p. (in Russ.)
3. Ismailov A.I. *Deviatsiya i sotsial'nyi kontrol': monografiya* / A.I. Ismailov, R.A. Zheltov. Moscow: Uglich, 2014. 259 p. (in Russ.)
4. Kapranov A.V., Istratov A.A. *Sotsial'nyi kontrol' kak garantiya zakonnosti v ugolovnom sudoproizvodstve. Nauchnoe obozrenie. Seriya 2. Gumanitarnye nauki*. 2015. № 4. P. 26-31. (in Russ.)
5. Karabulatova I.S., Pis'mennaya E.E., Ryazantsev S.V., Tomaily A.E. *Alkogol'nye deviatzii rossiiskogo obshchestva i so-tsial'no-ekonomicheskii krizis vtorogo desyatiletiya XXI veka. Sotsial'no-ekonomicheskie i gumanitarno-filosofskie problemy sovremennoi nauki*. Ufa: Ufimskii gosudarstvennyi universitet ekonomiki i servisa, 2015. P. 154-158. (in Russ.)
6. Kirdina S.G. *Institutsional'nye matritsy i razvitie Rossii*. Novosibirsk: IEiOPP SO RAN, 2001. 213 p. (in Russ.)
7. Lapshov V.A. *Sotsial'nye riski rossiiskogo obshchestva v nachale XXI veka. Nauchnoe obozrenie. Seriya 2. Gumanitar-nye nauki*. 2016. – № 1. P. 11-26. (in Russ.)
8. Lokk Dzh. *Vtoroi traktat o pravlenii. Opyt ob istinnom proiskhozhdenii, oblasti deistviya i tseli grazhdanskogo pravleniya. Dva traktata o pravlenii* / per. s angl. E.S. Lagutina i Yu.V. Semenova. Chelyabinsk: Sotsium, 2014. 480 p.
9. Luk'yanets A.S., Man'shin R.V. *Deviantnoe povedenie v rossiiskom obshchestve: formy i masshtaby. Nauchnoe obozrenie. Seriya 2. Gumanitarnye nauki*. 2015. № 3. P. 34-43. (in Russ.)
10. Novikov A.V., Oborskii A.Yu. *Nekotorye metodologicheskie podkhody k otsenke spravedlivogo vozmeshcheniya «stoimosti zhizni» v svyazi s gibel'yu cheloveka v chrezvychainykh situatsiyakh. Pravo i obrazovanie*. 2015. № 12. P. 84-88. (in Russ.)
11. Poverinov I.E. *Sotsial'nyi kontrol': filosofskie, sotsiologicheskie i pravovye aspekty: monografiya* / I.E. Poverinov, D.V. Pisachkin. Saransk: Izd-vo Mordovskogo un-ta, 2011. 88 p. (in Russ.)
12. Russo Zh.Zh. *Ob obshchestvennom dogovore* / per. s fr. S.N. Yuzhakova. Moscow: Iglmoss Edishinz, 2012. 383 p. (in Russ.)
13. Selivanova E.S. *Institutsionalizatsiya obshchestvennogo kontrolya v sfere publichnoi politiki v postsovetsoi Rossii: monografiya*. Voronezh: Nauch. kn., 2016. 206 p. (in Russ.)
14. Sidorov S.A. *Mekhanizm pravovogo regulirovaniya v sisteme sotsial'nogo kontrolya: monografiya* / S.A. Sidorov, I.L. Chestnov. Sankt-Peterburg: Alef-Press, 2014. 223 p. (in Russ.)
15. Erikson E.G. *Filosofskie syuzhety Erika Eriksona: perevody rabot amerikanskogo psikhoanalitika* / sost. E.M. Spirova. Moscow: Kanon+, 2017. 415 p. (in Russ.)